М. КУЗМИН

ЛЕСОК

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА ДЛЯ МУЗЫКИ
С ОБ'ЯСНИТЕЛЬНОЙ ПРОЗОЙ В ТРЕХ
ЧАСТЯХ

Для издательства
«НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА»
отпечатано в январе 1922 года
26-й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИЕЙ
Графические украшения исполнил художник
АЛЕКСАНДР БОЖЕРЯНОВ

Р. В. Ц. Петроград. Отпеч. 500 экз.

Юр. Юркуну посвящается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три предлагаемые «Леска» представляют из себя ряд музыкальных пьес камерного характера, об'единенных поэтическим содержанием. Все номера, текст которых написан в стихотворной форме, предназначены для пения, отрывки же прозаические составляют как бы программу соответствующих музыкальных пьес, а отнюдь не мелодекламацию. Они или читаются слушателями, или произносятся специальным лицом все подряд перед исполнением каждого «Леска». Состав камерного оркестра следующий:

для «Шекспировского леска»: голос, фортепьяно, кларнет, валторна, виолончель;

для «Гофмановского леска»: голос, фортепьяно, две скрипки, гобой;

для «Апулеевского леска»: голос, фортепьяно, альт, флейта, арфа.

Вокальных исполнителей двое: меццо-сопрано и тенор. Первое поет «песнь соловья», «колыбельную из I части, «романс» и «контрданс» из II и «куплеты Изиды». Тенор исполняет «приглашение» и «интермеццо» из «Шекспировского леска», «песнь двойника» из «Гофмановского», «приглашение» и «интермеццо» из «Апулеевского».

Как произведение музыкальное все это носит подзаголовок «Ундецимет в трех квинтетах для флейты, гобоя, кларнета, валторны, арфы, квартета, пения и фортепьяно с сопровождением об'яснительной прозы».

М. Кузмин.

I

ШЕКСПИРОВСКИЙ ЛЕСОК

1. Приглашение.

Голос поет издали:

Покиньте эти стены,
Сонливость и недуг.
Пройдемте, друг, в Арлены
На королевский луг.

Отбросьте все тревоги,
Забудьте зло и боль,
И встретится в дороге
Пастушеский король,

И Жак, мудрец унылый,
Придворный и поэт,
И Розалинды милой
Соперник, Ганимед.

О, радость примиренья!
Опасная игра!
А в небе—отраженье
Павлиньего пера.

Пристанище свиданьям,
О, лес! о, лес! о, лес!
Взволнованный дыханьем
Шекспировых чудес!

2. Встречи влюбленных.

Легкий скороход, веди нас!

Дороги!

Я знаю, что на каждом повороте ждут опасности и бродяги, изгнанные королевские слуги, царевичи без престола, лишенные наследства младшие сыновья, влюбленные и просто беспокойные души, которых апрельский ветер и мокрые зори манят искать приключений. Виола, Розалинда и Юлия из «Веронцев» (словно все Юлии обречены на Верону!) мелко шагают в мужских платьях, стараясь говорить мальчишескими голосами. И, радость! Под пыльным капюшоном странника любимые узнавать глаза, или видеть, как дорожная палка, срезанная, может быть, еще на родине в орешнике, выпадает из задрожавшей руки друга!

3. Вилли Хьюз Розалиндой *).

Добрый Орландо, ты ищешь под курткой мальчика горячей груди Розалинды, но под лифом возлюб-

---

*) Вилли Хьюз, молодой актер Шекспировской труппы, исполнявший женские роли.

ленной найдешь нежную, но крепкую грудь Вилли Хьюза. Ведь еще неизвестно, лукаво ли он улыбнется, поманив тебя за кулисы, или расхохочется и закурит трубку в кофейне. Под вечер подойдет к широкому окну, долго будет стоять, вдыхая сырой и теплый ветер, мечтая о кораблях, Америке, роли Клеопатры, а, может быть, и о тебе, Орландо!

4. Интермеццо.

Голос поет:

Вы скажете: «буря в стакане
Искусство—вот оно»,
Но от этой бури «Титаник»
Настоящий идет на дно.

Собраны радуги рая
В капле простой росы,—
И трава ложится, играя
Под веселым звоном косы.

«Целая вереница жизней»
Есть повесть у Юркуна *)...
Из небывалой отчизны
Сегодняшняя луна.

Представление: Венера и Адонис.

О планировке Шекспировских представлений можно прочитать в тысяче томах Шекспировых обществ, вы же слушайте теплый, полный, пышный и траурный голос мужеской страсти, отяжеленный Виндзорской росой.

---

*) «Целая вереница жизней» ненапечатанная повесть Юр. Юркуна.

5. Венера и Адонис.

Венера сдерживает Адониса. Она—не Венера Ботичелли, не Вилли, а рыжая женщина с молочным телом, розы ее лиловаты, шея—мягка и ноги, не привыкшие, не как у Дианы, ходить по земле. Даже в лесу лежит она на низком диване, разбросав простыни и пуховые подушки и полными, без мускулов, руками обнимает Адониса, путаясь ногами в сиреневом покрывале неловко и жалко.

— Поздно! Взошла звезда, моя звезда! Ляг, мальчик, ляг мне на груди, которые слаще малины.

— Рог трубит, фокс-терьеры лают, запахло землей и мохом. Мне тут жарко и тесно в постели. Прощай, я вернусь!

6. Охота Адониса.

Рожки хриплы, но веселы. Собаки рыщут. Охотничья песенка скоро будет похожа на «Типпирери». Лицо у Адониса вроде лорда Пэмброка или молодого Дугласа, может быть, простого браконьера на земле этих лордов. Оно будет сниться Бердсли. Он откидывает волосы и резв, как школьник, вырвавшийся из школы. Кабан ничего не понимает ни в любви, ни в искусстве, ни в красоте. А, может быть, его привлекает изогнутое, круглое бедро молодого человека. Как раз в это место направлен удар его клыков. Может быть, он кое-что понимает.

7. Смерть Адониса.

«Типпирери» ушло далеко. Адонис лежит белый, как яблонный цвет. Лицо его стало осмысленней. Горит нестерпимо светляк в траве. Венера на корточках плачет, не утирая слез. Кажется, весь парк плачет: все окрестности, ивы и пруд. Соловьи, ничего не соображая, щелкают старинную песню.

8. Песнь соловья.

Он лихо джигу танцовал...
Тийо-тийо, тийо!
Все танцовал и вдруг устал,
И на траву, как сноп упал...
Тийо-тийо, тийо!

Теперь на ласки будет скуп...
Тийо-тийо, тийо!
Не встанет он от ранних труб,
Не поцелует прежних губ.
Тийо-тийо, тийо!

9. Плач о Ромео и Юлии.

Не напоминают ли эти слезы и стоны другую могилу в далекой и близкой Италии, где при свете факелов, на театральном черно-лиловом бархате лежат, обнявшись, любовники? Графу Парису не стоит жалеть о пышной надгробной надписи, предназначавшейся для пятнадцатилетней невесты. Ромео навеки соединен с нею в памяти и влюбленном искусстве. Капулетти в халате протягивает руку Монтекки, контрабасы ревут, почтительно сдерживая радость. Публика может расходиться.

10. Лунный свет.

И лунный свет изливает свое традиционное, но еще не надоевшее красноречие над ивовым парком, над небывалым, плодом столетней культуры, газоном, над рассадником высокой и белокурой молодежи, футболистов, читающих по гречески Еврипида, Оксфордским и Кэмбриджским университетом, над темной Темзой и прыгающими на лужайке зайцами. По лунным лугам, как по нотным линейкам со скрипичным ключом, вьется нянькина песня. На нос пеленашки попал волшебный червонец.

11. Колыбельная песня.

Блестят кастрюлей крыши,
Погасли все огни.
Не спят коты, да мыши,
А ты, сынок, усни!

Нарядным позументом
Обшился старый ларь,
И будет Джек студентом,
Окончив свой букварь.

Свиданья у сторожки,
И спор, острей иглы,
Но крепенькие ножки
Для мамы все милы.

Ах, без чужих об'ятий
Живет ли человек?
Но розовым дитятей
Всегда мне будет Джэк.

Мои ведь глазки эти,
Пока ты мал и слаб.
Лети ж в своей карете,
Проказливая Маб!

II

ГОФМАНОВСКИЙ ЛЕСОК

1. Садик в Кенигсберге после дождя.

— Садик в Кенигсберге после дождя...

— Что это? «Кот Мур», или...

— Гроза ушла. Яблони стараются пахнуть как можно сильнее...

— Но мы это слышали уже!

— ... «на траву упали королевины бриллианты»...

— Послушайте, такое повторенье делается нестерпимым!

— Есть пейзажи, как звуки, вызывающие воображение.

Коричневый рукав с мелкими золотыми пуговицами ставит на стол электрический чайный прибор, теплый белый хлеб и масло.

— Это—об'яснительная проза.
— Не запутает ли она еще больше слушателя?
— Скрипки и гобои должны быть достойны Крейслера,—вы услышите!
— Может быть, мы услышим и марш г. Чернышева, вступающего в Берлин?
— Может быть, для этого придется подождать весеннего дня.
По корридору звонки, услужливый топот (вблизи) каблуков и американский акцент высокого, по-птичьи, женского голоса.
— И все-таки Пруссия, Кенигсберг—родина и Гофмана и Ходовецкого!
— И Канта, и Гиппеля и многих других.
— Это не относится к делу. Не обращайте внимания на вальс из «Dollarprinzessin»,—смотрите, как перекинулся радужный мост и мальчик, закинув голову, смотрит на очистившееся голубое небо, словно слушает финал из «Похищения из сераля».

2. Концерт тетушки Фюсхен.

Мы не слышали «trompette marine», Казадезюс *) ее не включили в свои старинные инструменты, которые сконфуженно шипели менуэтами в огромном дворянском собрании, меж тем как светские дамы шептали: «Очаровательно! Как это стильно!» и думали о Сомове, которого едва отличили бы от Мисс. Но твое зеленое платье, фея каприза, романтизма и своевольной мечты, уже шелестело в сонатах (прошу прощения за эстетическую справку) Шоберта (не смешивать с Шубертом) и Иоганна Христиана Баха (не смешивать с Иоганном Себастьяном) и через бессмертного Моцарта глянуло безумными и божественными глазами на нас. Пылай, Германия! Трепещи, Корсиканец! Скоро явятся Кернер и Вебер **) и мерцающий

---

*) Казадезюс — семейство музыкантов, дававшее концерты на старинных инструментах.

**) Кернер—поэт, Вебер—великий композитор: патриотические певцы Германии, обессмертившие свой восторг песнями: «Лира и меч».

блеск, как огни Св. Эльма на мачтах, остановится на Теодоре Гофмане. О, тетушка Фюсхен, ты будешь бессмертной, пускай только в словаре Римана осталась твоя trompette marine!

3. Певица из седьмого номера.

Ошибиться номером! Когда доска ясно указывает имена приезжих. Но, никто и не ошибался. Читать Коппелиус, советник Лингорст, Юлия, принцесса Гедвига, вместо Смитов, Боннэ, Пшипиндевских и Мовшензонов—по меньшей мере глупо. И тем не менее она пела! Мальчик выронил, заслушавшись, из рук ботфорту лейтенанта Б. Я слышал, слышал! Это было не во сне! Стоит позвонить три раза,—и бой подтвердит. Радость свиданья, тоска разлуки, томленье и какое-то потустороннее спокойствие,—словно к вам тянутся руки через реку, как параллельные рифмы в строфе! Она пела... Конечно, слова были итальянские и, в сущности, до нельзя банальные: mio core, amore, tor,mento momento. Мне казалось, что она пела:

Романс.

Прощай навек, моя отрада,
Навек, возлюбленный, прости!
Теперь одной, как видно, надо
Мне дни печальные вести.

Последний раз еще лобзанье!
Лобзай меня последний раз!
Какое-ж райское свиданье
За это обласкает нас?

Но ты протягиваешь руку,
Издалека мне шлешь привет,—
И забывает сердце муку,
И для меня печали нет.

О, верности любовной сила!
О, глаз любимых талисман!
В какое солнце обратила
Ты надвигавшийся туман!

4. Незнакомец.

На дверях его номера только обыкновенные цифры: 3 и 1. Мы сговорились ехать в кукольный театр, доступ в который был очень, говорят, труден. Но молодой человек был знаком с директором и обещал мне свою протекцию. Предприятие мне очень нравилось и радовало, как ребенка: «Вильгельм Мейстер», «Фауст», Гоцци, оперы Гайдна для кукольного театра, Эстергази и Моцарт кружились у меня в голове, как карусель. Но, помимо художественных пристрастий, мной овладело простое любопытство. Не дожидаясь, чтобы за мной послали слугу, я сам постучался в 31-й номер. Мне не ответили. В корридоре было необыкновенно тихо, до странного. В дальнем окне была видна золотая заря. Я постучался еще раз. Опять ничего. Осторожно нажал я дверную ручку. За темной перегородкой стояли сундуки с наклейками: «Рим», «Каир», «Пекин» и три пары ботинок. Все было тихо. Я раздвинул занавески. Молодой человек сидел за столом, лицом ко мне, но меня, очевидно, не видел. Я впервые заметил, что он очень красив. Перед ним лежала шпага и широкая розовая лента. Он быстро писал, потом зажег машинку для сургуча, запечатал письмо, поцеловал ленту и, спрятав ее со шпагой в широкий ящик стола, долго продолжал сидеть так, будто глядя прямо на меня. Я тихонько прошел к себе и спокойно стал дожидаться слуги.

5. Уличный контрданс.

На дворе гостиницы худая, черная девица пела разбитым голосом контрданс. Слова этой песни почему-то страшно веселили компанию, вышедшую на кухонное крыльцо.

Ах, герр Пумпер, Кэтхен плачет,
Слезы льются, как вода.
Что от'езд ваш быстрый значит,
Не понять ей никогда.

— Был я вами очарован:
Я—герой, не идиот,—
Но теперь мобилизован,
Время выступить в поход.—

— А когда в тени акаций
В верности клялись вы мне,
Никаких мобилизаций
У вас не было в уме.

— Чорт возьми! права малютка:
Наша жизнь преглупый фарс.
Как подумаешь, не шутка:
Vita brevis, longa ars.

Ротмистр лихо уезжает,
И воинствен, и красив,
А она перешивает
Слишком узкий прежний лиф.

Тра-ля-ля! Смотрите, дети:
Тут не долго до беды,
Ведь не даром в эполете
Можно встретить три звезды.

6. Представление: Кукольный Фауст.

В узком зале с желтыми занавесками небольшое общество. Горят восковые свечи. Впереди — театр: не то храм, не то ярмарочный балаган. Дамы декольтированы, как на премьере Вагнера. Спутник мой не кажется мне таким красивым, как полчаса тому назад. Он похож на Захарию Вернера или К. М. фон-Вебера: худ и длинонос. Я все жду, что под серым пальто зацветет розовая лента. Скрипки сыграли марш. Когда началось представление, я думал, что я сойду с ума, до такой степени все шло шиворот на-выворот.

7. Фауст.

Это—«Фауст» и по афише и по сюжету, но, Боже мой! Гетевский герой обратился в суетливого ученого; временами из него выскакивает американский эксцентрик Чаплин. Скорей молод. Библиотека в порядке: богословие, физика, математика, естествознание, политическая экономия. У каждого шкапа по столику. Фауст перебегает от одного к другому, судорожно записывает что-то, путает книги, роняет черниль-

ницы, иногда похож на мартышку, суетящуюся в клетке диалектики. Волосы у него встают дыбом. Чаплин! Чаплин! Он громко читает энциклопедический словарь подряд.

Из голубоватого тумана появляется Мефистофель.

8. Мефистофель.

Он скорее похож на традиционного Фауста или, вернее, на Леонардо да Винчи. Прекрасный, важный лик! Струящаяся борода, струящиеся одежды, струящаяся речь! С его появлением все делается переменчивым, нестойким, текучим, призрачным. Иногда у него два лица, три, четыре руки, три носа, как на картинах футуристов. У Фауста десять ног, вертящихся вокруг пупа, на котором, как на пуговице, определенное лицо Чаплина. Но довольно фантасмагорий! Мефистофель теперь—почтенный пастор. Брит, ни локонов, ни бороды, ни плаща,—струится только сюртук и речь. Фауст—ученик, студент лет сорока, задолбивший расшатанные мозги бестолочью диалектики. Договор прост, как в сказке. Фауст передает свою маленькую, стыдливую, голую душу в коробочке из под аптекарского порошка. Мефистофель вкладывает волю, кое-какие стремления и торопливо завязывает в мозгу Фауста хвосты знаний, фразы, термины, формулы — сушеный компот. Неизвестно откуда является кофейник и кружки с пивом. Они пьют с энтузиазмом и Мефистофель душевно поздравляет Фауста, жмет руки, очки блестят. Вдали ревет сирена. Мефистофель пугливо озирается, но плотнее задергивает занавески и снова жмет руки. Комната принимает вполне благообразный вид.

9. Гретхен.

Гретхен—маленькая фигурка, безо всякой формы. вроде молюска; колышется, как желе, и каждую минушу готова расползтись в стороны. Похожее всего на раковину или на копилку. На верхнюю оконечность ежеминутно наклеиваются вырезанные откуда попало (из «Illustration», словарей, учебников, старых газет)

головки: невинной девушки, модной картинки, Жанны д'Арк, Отеро, Кавальери, Офелии, Сары Бернар, Терезы Энбер и т. п. Невинная девушка и Елена нравятся Фаусту больше всего. Но когда он начинает мять фигурку, вместо Елены оказывается Жорж Занд.

10. Чудеса.

Летают на гороховой колбасе. Кажется, что у обоих пассажиров общий огромный фаллос. Время от времени колупают кожицу и едят начинку. Внизу—война, пушки, шрапнели. Посыпают сражающихся порошком, те мрут, как тараканы. Бросают нарезанные газеты вместо денег. Но все это—очень скучно. У Фауста выскочила огромная шишка любви к человечеству. Он будет благодетелем, даст людям рай. Мефистофель заранее торжествует.

Вот и рай! Три таблицы: обязанности, потребности и понятия. Все ясно, как расписание поездов. Весь земной шар—интернат или исправительное заведение. Все одного возраста и пола. Красок—нет, звуков, света—тоже. Питаются пилюлями. Депутации к Фаусту. Вдруг рев пароходных сирен. Ослепительный свет! Страшный суд. Все закрывают глаза, но никуда не проваливаются.

То-же расписание поездов, тот-же интернат. Вы уже в аду, дети мои! Если бы лица могли что-нибудь выражать, они выразили бы такую муку, перед которой муки Лаокона и Прометея—детские игрушки.

11. Странный спутник.

Чей-то голос всегда поет близ меня:
Следи во мне свои волненья,
Я спутник верный и немой.
Не удержу я от паденья,
Но сам паду, мой друг, с тобой.

Не укорю, не обласкаю,
Но жребий твой я разделю,
И почему, я сам не знаю,
Так нежно я тебя люблю.

Ты улыбнешься, мне—улыбки.
Заплачешь—горько плачу я.
Обоим нам сомненья зыбки,
Моей душой крепка твоя.

Не бойся, если отраженье
Увидишь в одинокий миг.
Я—не дитя воображенья,
Я—ласковый и злой двойник.

12. Окно в сад.

Откройте окно! Как накурено! Полно читать, Теодор! У меня в голове дым, как в этой комнате. Откройте окно! Уж утро. Как блестит трава, щебечут простые пташки, облака стоят кудрявым стадом. И колокола тихо поют на встречу солнцу. О, Моцарт!

III

АПУЛЕЕВСКИЙ ЛЕСОК

1. Приглашение.

Тени бродят бледным роем,
По уступам ждут мытарства.
Розо-палевым левкоем
Золотую дверь откроем
В заколдованное царство.

Душ водителем Гермесом
Будет отрок нам прелестный.
Распростимся с чахлым лесом
И к воздушнейшим навесам
Уплывем из бухты тесной.

Что под небом, то над небом.
Благовестие всем странам.
Вкусим плоть небесным хлебом,—
И святым, триликим Фебом
Станут чистые сердца нам.

2. Озеро.

Вода у плоских, поросших тростниками отмелей золотисто спит. Облака стоят, как чудесная флотилия, словно недвижно-сияющие лики чудотворцев. Одинокие лодки рыбачат. Далекое веянье Тивериады и Генисарета широкими кругами расходится по молочной влаге. Магические рыбы плещут хвостами. Розово стекает жемчуг с весел. Нездешней трубой поется далеко «Аполлоний», если не другое, неназываемое имя.

3. Ущелье.

Опустив бесполезный лук, с гор спускается юноша. Густые, но мелкие деревья не позволяют найти пути. Куропатки и гуси не боятся шагов, не улетают. На побледневшем небе засветилась ворожейная звезда. Так тихо, что можно убежать в ужасе. Молодой человек забыл, что дома ждет невеста. Узкое платье блестит золотом, как у Беноццо Гоцолли. Лицо, в сумерках, задумчиво и прекрасно. На щеках заблудился свет вечерней зори. Последняя стрела, свистя, тонет в воздухе, раззолоченном и стоячем, последняя искра полета—топаз зрачка.

4. Ламия.

На встречу — нежные и согласные свадебные лики, Девушки стыдливо и весело гнутся в медленном танце

перебирая розовыми ногами прозрачные покрывала. Закутанная невеста стоит неподвижно. Жених подходит. Он лоснится от умащений, счастья и желания. Он берет ее за руку, откидывает вуаль. Кто-то в толпе кричит: «Берегись, Харикл, ты обнимешь отвратительную ламию, которая будет питаться твоею кровью!». Только теперь он заметил, как бледны щеки невесты, как блестят ее зеленые глаза и кривится рот, а на губах, как по краям чаши, пузырится мелкая, розоватая пена.

5. Интермеццо.

Амур поет, улетая:

Психея, верь:
Не страшный зверь,—
Супруг твой неизвестный.
Ну, что-ж, теперь
Лучем измерь
Мрак таинства прелестный.

Земная дочь,
Благая ночь,—
Свята в своей одежде.
Сомненья, прочь!
Любви помочь
Дано одной надежде.

Утешней всех
Дневных утех
Ночные озаренья.
Светлы у тех
И плачь, и смех,
Кто ведал вдохновенье.

Иди, иди!
Что впереди,
Тебе и знать не надо.
Звезду в груди
Своей найди
И обретешь награду!

6. Представление: Суд Париса.

Пастушеская симфония. Зелень Иды. На склоне сидит Александр Парис во фригийской шапке. Он прекрасен и простодушен, задумчивые и бесмысленные глаза телки, словно он прислушивается не то к музыке сфер, не то к собственному пищеварению. На коленях румяное, раздвоенное яблоко. Изредка пастух его нюхает, потом опять неподвижен и желтые бабочки садятся ему на золотое плечо. По радуге одна за другою спускаются богини.

7. Гера.

Первая величественна и царственна. Темные волосы высоко забраны под сквозную корону. Рядом—синий павлин слепит взоры, привыкшие только к синеве неба. Гордая улыбка приоткрывает ее уста и в синих глазах словно отражаются неведомые страны, караваны, крепости, корабли, вооруженное войско.

8. Афина.

У второй—строгий, девственный, почти мужеский, лик. От скромной кольчуги и серой совы на плечах стальные глаза ее кажутся еще суровее и нежнее. Дружественная речь готова слететь с замкнутых губ. Она одним взглядом усмирит кентавра и вдохнет храбрость в сердце слабого.

9. Афродита.

Но вот словно душистый ветер, гонящий оборванные лепестки цветов,—вихрь лент, зорь, рыжих кудрей, голубей, перламутра, пудры, пены, легкого вина, искр закрутился... Море поет «Киприда!» Когда Парис открывает зажмуренные глаза, богиня стоит неподвижно, прозрачная: сквозь розовое тело с лиловатыми жилками видны и горы, и луга, и вечернее небо. Еле раскрыты вишневые губы на розовом лице. Раскройся они больше—и ты не выдержишь, умрешь от восторга. Фиалковые звезды—глаза шепчут: «верь!». Яблоко катится к ее ногам. Небесный поцелуй обжигает мальчика. Трубы. Богини исчезли.

10. Судьбы Париса.

Вдали под радугой, переходя из синего в кровавый цвет—его судьба: ложница Елена, пурпурное море, Троя, битвы и смерть, пожар и ужас, бегство Энея и золотой Рим в вечной славе, как оперный апофеоз. Лучи двух солнц, пересекаясь, образуют странный крест.

11. Купанье идолов.

К морю, еще серому на рассвете, под'езжают высокие повозки с закрытыми медными кумирами. Безбородые жрецы тихо снимают покрывала и золотыми плоскими чашами черпают воду, поливая ею идолов, словно крестя их во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Вытянув желтые руки по арфам, при первых лучах певцы начинают пронзительный гимн. Скопцы поднимают к красному небу крутые серпы. Осел, добравшись до роз, благочестиво жует их и обращается в Луция. Он бросается к ногам старшего жреца, прося его о посвящении. Серпы опускаются, и солнце великолепно шествует по пустому небу.

12. Куплеты Изиды.

Губительной сонливости
Страшитесь, не шутя.
Кто ищет справедливости,
Тот—не мое дитя.

Все зыбко, переменчиво,—
Обман—и тут, и там.
Стоит душа застенчиво
У лестницы во храм.

Отдаться ли водителям?
Иль повернуть назад?
К небесным ли обителям
Ведет волшебный сад?

Не надо беспокоиться,
Кто мудр и сердцем прост.
Божественная Троица
На утлый вступит мост.

Венчается, венчается!
Желать, терпеть и ждать
Во веки не кончается
Изиды благодать.

1921.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

